

Чу Цзэшэнь первым заговорил:

— После смерти бабушки дедушка каждый год в Праздник середины осени совершает подношения в ее честь. Бабушка особенно любила этот праздник, и все благовония привозят из храма, который она часто посещала.

От входа до внутреннего двора каждая деталь была пропитана духом образованности. На каменных окнах коридора были выгравированы стихи и картины, на колоннах — резные орнаменты. Во внутреннем дворе росли растения и цветы, соответствующие сезону, словно их тщательно ухаживала хозяйка дома.

Видимо, все оставалось таким, как при жизни бабушки. Старейшина Чу глубоко любил свою супругу и таким образом сохранял память о ней.

Старейшина Чу пил чай в саду и, увидев внуков, сразу же поманил их:

— Сяо Бай пришел! Ты уже завтракал?

Он заметил Мокку и улыбнулся еще шире:

— О, и Мокка здесь!

Мокка, увидев старейшину, словно вспомнил о подаренном шестизначном посохе, начал вилять хвостом. Если бы не поводок в руках Гу Бая, он бы взлетел, как маленький вертолет.

Гу Бай подошел к старейшине:

— Доброе утро, дедушка. Я уже позавтракал.

Мокка ласково терся о ногу старейшины.

Старейшина Чу усадил Гу Бая и подал ему чашку только что заваренного чая, а затем погладил Мокку по голове:

— Перекуси еще. Пирожные здесь — это традиционное мастерство.

Он повернулся к Чу Цзэшэню:

— Сходи на кухню, принеси пирожные.

Гу Бай взглянул на Чу Цзэшэня:

— Я пойду.

Старейшина снова остановил его, словно Гу Бай был его родным внуком:

— Пусть он ходит. Он знает дорогу. Ему пирожные не нравятся, так пусть принесет. Ты посиди, поболтай со мной.

Чу Цзэшэнь, едва войдя в старый дом, даже не успел выпить чаю, как его уже отправили за пирожными. Он привык к этому и молча направился на кухню.

Через некоторое время он вернулся с деревянной коробкой, внутри которой было несколько отделений, каждое с несколькими изысканными пирожными.

Старейшина, довольный услугами внука, улыбнулся Гу Баю:

— Сяо Бай, я слышал, ты любишь пирожные. Ешь сколько хочешь, я велел приготовить много.

Очевидно, кто сообщил ему об этом — тот, кто жил с Гу Баем и проводил с ним время.

Гу Бай на мгновение задумался, глядя на коробку с пирожными. Он никогда не скрывал своей любви к сладкому, но только Чу Цзэшэнь приносил ему сладкие напитки и рассказывал дедушке о его предпочтениях.

Чу Цзэшэнь взял щипцы и положил на тарелку Гу Бая пирожное в форме цветка персика:

— Попробуй.

Гу Бай, следуя традиции взаимности, положил ему на тарелку менее сладкое слоеное пирожное:

— Ты тоже попробуй.

Старейшина с удовольствием наблюдал за этой сценой. Его внук, который раньше был таким закрытым, теперь проявлял чувства, и Гу Бай, казалось, тоже начинал отвечать взаимностью.

Старейшина, человек, повидавший многое, сразу понял, что между его внуком и Гу Баем что-то изменилось. Раньше они держались на расстоянии, но теперь в их взглядах появилась искра.

Старейшина поднял чашку и сделал глоток чая.

Мокка все еще был на поводке, и Гу Бай боялся, что пес, разыгравшись, может повредить растения в саду, которые были гордостью старейшины.

Старейшина заметил это и спросил:

— Почему ты не отпускаешь Мокку? Я приготовил для него игрушки.

Дворецкий принес заранее подготовленные игрушки, и Гу Бай, увидев их количество, немного растерялся. Мокка тоже склонил голову набок, глядя на игрушки, а затем поднял глаза на Гу Бая с недоумением.

Дома Гу Бай установил правило: чтобы играть с новой игрушкой, нужно сначала убрать предыдущую. Поэтому в доме никогда не было больше двух игрушек одновременно.

Теперь перед ним была целая гора игрушек, и даже Мокка был ошеломлен.

Видимо, любовь старшего поколения к младшему проявлялась в полной мере. Старейшина даже спросил, достаточно ли игрушек для Мокки, чтобы он мог играть в свое удовольствие.

Гу Бай отпустил Мокку, но пес не сразу бросился к игрушкам, а сначала обошел двор, обнюхивая все вокруг, чтобы привыкнуть к новому месту.

Через несколько минут Мокка вернулся к Гу Баю, но его взгляд все еще был прикован к игрушкам.

Мокка вел себя гораздо спокойнее в незнакомых местах, чем дома. Хотя старейшина был знакомым человеком, это место он видел впервые.

Гу Бай наклонился к Мокке:

— Выбери игрушку, которая тебе нравится.

Мокка, сидя, насторожил уши и сразу же бросился к куче игрушек. Очевидно, одной игрушки было недостаточно, и он начал рыться в них, пытаясь выбрать.

Старейшина спросил:

— Почему ты не даешь ему все? Я приготовил их специально для него, пусть заберет домой.

Гу Бай, глядя на Мокку, ответил:

— Если дать ему слишком много, он перестанет ценить игрушки, думая, что они всегда доступны. Пусть выберет одну сейчас, а другую — перед отъездом. Дедушка, остальные игрушки уберите, и в следующий раз, когда он придет, дайте ему еще.

Мокка, наконец, выбрал самую любимую игрушку и, гордо неся ее в зубах, подошел к Гу Баю.

Старейшина рассмеялся:

— Хорошо, я велю убрать остальные, и в следующий раз он сможет поиграть с ними.

Мокка, показав игрушку Гу Баю, повернулся к Чу Цзэшэню, чтобы похвастаться. Чу Цзэшэнь, как всегда, поддержал его.

— Да, красиво. Иди играй.

Мокка, устроившись в удобном месте, начал играть.

Поскольку был Праздник середины осени, многие пришли навестить старейшину Чу. Большинство встреч проходило во внутреннем дворе, и старейшина попросил Чу Цзэшэня отвести Гу Бая в дом, чтобы отдохнуть перед началом церемонии.

Внутренние покои старого дома не отличались от тех, что показывают в исторических сериалах: кресла, деревянные столы, фарфоровые вазы.

В доме не было диванов, но был деревянный лежак, покрытый мягким одеялом, выглядевшим очень уютно.

Гу Бай не отрываясь смотрел на лежак, и Чу Цзэшэнь, заметив это, улыбнулся:

— Садись. Не знаю, когда это приготовили.

Гу Бай сел и провел рукой по одеялу:

— Раньше здесь не было таких одеял?

Чу Цзэшэнь покачал головой:

— Я жил здесь больше десяти лет, и таких вещей никогда не было. В детстве я жаловался, что лежак слишком жесткий, а дедушка отвечал: «Нравится — садись, не нравится — не садись».

Гу Бай засмеялся:

— Ты, наверное, сам ему это сказал.

Накануне старейшина позвонил, чтобы спросить, что нравится Гу Баю, чтобы подготовить все необходимое.

Чу Цзэшэнь, прожив с Гу Баем больше месяца, уже знал его привычки: любит сладкое, не любит активность, предпочитает играть в игры, сидя на мягком диване.

Коробка сладостей, мягкое одеяло на лежаке — все это было проявлением заботы и любви старейшины к Гу Баю.

Обращение в старом доме семьи Чу было даже лучше, чем в доме семьи Гу. За столом никогда не было блюд, которые ему нравились, а вернувшись домой, он не мог просто сесть на диван и отдохнуть, вынужденный слушать наставления отца.

Гу Баю нравилось все в доме семьи Чу. Это была жизнь, о которой он мечтал.

Старейшина даже предусмотрительно подготовил для Мокки лежанку под деревянным лежаком. В доме семьи Гу вещи Мокки не могли находиться в гостиной, и он мог играть только в своей комнате.

Мокка, устав от игр на улице, устроился на своей лежанке.

На лежаке стояла шахматная доска — любимое развлечение старейшины.

Гу Бай с интересом предложил:

— Сыграем в шахматы?

Чу Цзэшэнь уже начал расставлять фигуры:

— Умеешь играть?

Гу Бай скромно ответил:

— Немного.

Чу Цзэшэнь подумал, что он действительно новичок, но вскоре обнаружил, что Гу Бай играет на уровне мастера.

В первой партии Чу Цзэшэнь оказался в затруднительном положении. Он постучал пальцем по съеденной фигуре и с улыбкой посмотрел на Гу Бая:

— Немного?

Гу Бай кивнул:

— Немножечко.

Первая партия закончилась поражением Чу Цзэшэня из-за его самоуверенности.

Чу Цзэшэнь расставил фигуры для второй партии:

— Все литераторы так хорошо играют в шахматы?

Гу Бай сделал первый ход:

— Бабушка хорошо играла?

— Дедушка почти никогда не выигрывал у нее. Если он выигрывал, то только потому, что она ему поддавалась.

Гу Бай поднял глаза на вошедшего старейшину и тут же посмотрел на Чу Цзэшэня, подавая ему знак.

<http://bllate.org/book/15495/1374472>